

ГЛАВА 1

Колл не так представлял себе тюрьму. Он вырос на криминальных сериалах, поэтому думал, что у него должен был быть не приветливый сосед, который бы объяснил ему правила поведения и показал, как стать крутым качком, тягая гири. Он должен был ненавидеть еду и ни с кем не связываться из страха быть проткнутым заточкой, умело сделанной из зубной щетки.

Но единственное общее между магической тюрьмой и теми, кого показывали по телевизору, заключалось в том, что главный герой оказался за решеткой за преступление, которого он не совершал.

По утрам Колл просыпался, когда освещение во всем Паноптиконе сменялось с тускло-рассеянного на ослепительно-яркое. Моргая и зевая, он наблюдал за другими узниками (их было около пятидесяти), пока их выпуска-

ли из камер. Они куда-то уходили, скорее всего, на завтрак, но поднос Колла всегда доставляли прямо к его двери двое стражников, один из которых хмурился. Другой казался встревоженным.

За последние шесть месяцев Коллу наскучило корчить рожу, только чтобы еще сильнее напугать и без того трясущегося парня.

Никто здесь не видел в нем пятнадцатилетнего подростка, еще ребенка. Все думали о нем как о Враге Смерти.

За все время заключения его не навестил ни один человек. Ни отец. Ни друзья. Колл старался убедить себя, что им не разрешали, но это тоже совсем не утешало: наверняка у них были большие неприятности. Наверняка они жалели, что вообще когда-то услышали о Колламе Ханте.

Он поел немного бурды с тарелки, после чего почистил зубы, чтобы избавиться от ее вкуса. Стражники вернулись — подошел час допроса.

Каждый день Колла уводили в белую комнату без окон, где трое членов Ассамблеи с пристрастием расспрашивали его о жизни. Единственное разнообразие в монотонном расписании дня.

Какое твое первое воспоминание?

Когда ты осознал, что ты — зло?

Я знаю, ты утверждаешь, что не помнишь ничего из того, когда ты был Константином Мэдденом, но если хорошенько попытаться?

Сколько раз ты встречался с мастером Джо-зефом? Что он тебе говорил? Где его крепость? Какие у него планы?

Что бы он ни отвечал, они докапывались до мелочей до тех пор, пока Колл сам уже не начал путаться. Его регулярно обвиняли во лжи.

Иногда от усталости и скуки его так и подмывало соврать, потому что слова, которые они хотели от него услышать, лежали на поверхности и, возможно, было бы куда легче просто дать им желаемое. Но он не лгал, потому что вновь ставил баллы в свою личную колонку Вселенского Зла за любые поступки, которые могли посчитаться таковыми. Ложь определенно к ним относилась.

В тюрьме вести подсчет было легко.

Ведущие допрос много рассуждали о невероятном очаровании Врага Смерти и что Коллу нельзя общаться ни с кем из заключенных, потому что они опасались, как бы он ни втянул их в свои нехорошие замыслы.

Это могло сойти за комплимент, если бы не было очевидно, что они считали, будто он старательно утаивает от них этот свой талант. Если Константин Мэдден обладал разруши-

тельным обаянием, то в Колле они ничего подобного не чувствовали. Новой встречи с ним они не жаждали, как, собственно, и он по отношению к ним.

Но в тот день Колла застали врасплох. Когда он зашел в комнату для допроса, он увидел не членов Ассамблеи, а своего бывшего учителя, мастера Руфуса. Он сидел по другую сторону белого стола, весь в черном, а его лысая темная голова блестела под светом слишком ярких ламп.

Колл так давно не видел никого знакомого! Он едва сдержал порыв перепрыгнуть стол и обнять мастера Руфуса, несмотря на сердитый взгляд и то, что учитель в принципе не отличался любовью к объятиям.

Колл сел на стул напротив. Он даже не мог предложить обменяться рукопожатием, потому что его запястья были скованы спереди свешившейся цепью из поразительно твердого металла.

Он кашлянул, прочищая горло.

— Как Тамара? Она в порядке?

Мастер Руфус какое-то время молча на него смотрел.

— Не уверен, что мне следует тебе отвечать, — наконец сказал он. — Я не уверен, кто ты, Колл.

У Колла заняло в груди.

— Тамара — мой лучший друг. Я хочу знать, как она. Как Хэвок. Даже как Джаспер.

Странно было не упомянуть Аарона. Несмотря на то что Колл прекрасно знал о его смерти, вновь и вновь прокручивал в голове минувшие события, он страшно скучал по нему, до такой степени, что почти чувствовал его рядом.

Мастер Руфус свел вместе пальцы и опустил на них подбородок.

— Я хочу тебе верить. Но ты слишком долго мне врал.

— У меня не было выбора! — возразил Колл.

— Был. Ты мог в любой момент сказать мне, что Константин Мэдден живет внутри тебя. Давно ты об этом знаешь? Может, ты хитростью заставил меня взять себя в ученики?

— На Железном испытании? — Колл не поверил собственным ушам. — Я тогда понятия об этом не имел! Я старался провалиться, я даже не хотел учиться в Магистериуме!

Но это не поколебало скептицизм мастера Руфуса.

— Именно то, что ты так старался провалиться, и привлекло мое внимание. Константин бы это просчитал. Он знал бы, как мной манипулировать.

— Я — не он, — отрезал Колл. — Может, у меня его душа, но я — не он.

— Будем надеяться, ради твоего же блага, — сказал Руфус.

Колл вдруг ощутил чудовищную усталость.

— Зачем вы пришли? — спросил он учителя. — Потому что ненавидите меня?

Мгновение мастер Руфус выглядел ошеломленным.

— Я не ненавижу тебя, — в его голосе было больше печали, чем гнева. — Мне начал нравиться Коллам Хант, очень нравится. Но когда-то мне нравился и Константин Мэдден... и он едва все не уничтожил. Возможно, поэтому я и пришел: убедиться, что я могу доверять своим суждениям о людях... или что я повторил ту же ошибку.

Он не просто казался, но и выглядел крайне изможденным.

— Они закончили с допросом, — продолжил Руфус. — Теперь им нужно решить, что с тобой делать. Я собираюсь выступить на слушании, сказать то, что ты сам только что мне сказал, — что в тебе может быть душа Константина, но ты — не он. Но прежде мне самому нужно было в этом убедиться.

— И?

— Он был куда обаятельнее тебя.

— Все так говорят, — пробормотал Колл.

Мастер Руфус недолго помолчал.

— Ты хочешь выйти из тюрьмы?

Колла еще ни разу не спрашивали об этом.

— Не знаю, — подумав, ответил он. — Я... Я позволил убить Аарона. Может быть, я заслуживаю здесь быть. Может быть, я должен здесь быть.

За этим признанием последовала продолжительная пауза. Мастер Руфус поднялся.

— Константин любил своего брата, — произнес он. — Но он бы никогда не сказал, что заслуживает наказания за его смерть. Он всегда винил других.

Колл промолчал.

— Тайны ранят тех, кто их хранит, намного сильнее, чем ты думаешь. Я всегда знал, что ты что-то скрываешь, Коллам, и надеялся, что ты мне откроешься. В этом случае, возможно, все было бы иначе.

Колл закрыл глаза от мысли, что учитель прав. У него были тайны, и Тамаре, Аарону и Джасперу пришлось тоже их хранить. Если бы только он пошел с ними к мастеру Руфусу... Хоть к кому-нибудь, все могло быть по-другому.

— Я знаю, ты все еще что-то скрываешь, — добавил мастер Руфус.

Удивленный Колл посмотрел на него.

— То есть вы тоже думаете, что я вру?

— Нет, — ответил он. — Но это может быть твоим последним шансом облегчить свою душу. И моим последним шансом тебе помочь.

Колл подумал об Анастасии Тарквин, признавшей ему, что она — мать Константина. В тот момент он не знал, что и думать. Он мучился из-за смерти Аарона и мысли, что все, кому он верил, предали его.

Но какой смысл рассказывать об этом мастеру Руфусу? Это ничем не поможет Коллу. Лишь навредит другому человеку, той, которая доверилась ему.

— Я хочу рассказать тебе историю, — начал мастер Руфус. — Жил-был маг, который очень любил учить и делиться с другими своей любовью к магии. Он верил в своих учеников и в себя. А когда великая трагедия пошатнула его веру, он осознал, как был одинок, что он посвятил всю жизнь Магистериуму и что кроме этого у него ничего не было.

Колл моргнул. Он был практически уверен, что мастер Руфус говорит о самом себе, и был вынужден признать, что никогда не думал об учителе вне Магистериума. У него и мысли не возникало, что у Руфуса могли быть друзья или семья, вообще кто-нибудь, кого он навещал бы

по выходным или кому звонил бы по смерч-телефону.

— Скажите просто, что эта история о вас, — попросил Колл. — В ней слишком много личного.

Мастер Руфус сердито на него посмотрел.

— Ладно. Это случилось после Третьей Магической войны, когда я понял, как одинока жизнь, которую я для себя избрал. И судьба распорядилась так, что вскоре после этого я влюбился — в библиотеке, где изучал древние документы. — Он слегка улыбнулся. — Но он не был магом. Он ничего не знал о тайном мире магии. И я не мог ему рассказать. Я бы нарушил все существующие правила, если бы поведал ему, как работает наш мир, да и он бы решил, что я сумасшедший. Поэтому я сказал ему, что работаю за границей и приезжаю домой на выходные. Мы много разговаривали, но, по сути, я постоянно ему лгал. Я этого не хотел, но так получалось.

— Разве это не история о том, что иногда стоит хранить секреты? — спросил Колл.

Брови мастера Руфуса шевельнулись в характерной для них уникальной манере, отчего его тяжелый взгляд стал совсем невыносимым.

— Эта история должна была доказать тебе, что я знаю, каково это — хранить секреты.

Я знаю, что они могут быть во благо и сколь мучительны они для своих обладателей. Колл, если тебе есть что мне рассказать, — Расскажи, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

— У меня нет секретов, — ответил Колл. — Больше нет.

Мастер Руфус кивнул и вздохнул.

— Тамара в порядке. Ей одиноко на уроках без тебя и Аарона, но она справляется. Хэвок скучает по тебе, разумеется. Насчет Джаспера не уверен. В последнее время он творит что-то странное со своими волосами, но, возможно, это не имеет никакого отношения к тебе.

— Ясно, — в легком шоке отозвался Колл. — Спасибо.

— Что касается Аарона, — продолжил мастер Руфус, — его похоронили со всеми возможными почестями как творца. На его похоронах присутствовали вся Ассамблея и весь Магистериум.

Колл кивнул и опустил взгляд на пол. «Похороны Аарона». Эти слова, произнесенные мастером Руфусом, произнесенные с болью, заставили Колла ощутить всю тяжесть заключенного в них смысла. Это навсегда останется главным фактом его жизни: если бы не он, его лучший друг все еще был бы жив.

Мастер Руфус направился к двери, но по пути остановился, всего на секунду, и опустил ладонь на голову Колла. Тот и не ожидал, что от этого жеста у него так сильно перехватит в горле.

Когда Колла проводили назад в камеру, его там поджидал еще один сюрприз. Его отец, Аластер, стоял снаружи.

Аластер легонько махнул, и Колл тряхнул скованными кистями. Он отчаянно заморгал, иначе разрушительное злодейское «обаяние» Врага Смерти грозило раствориться в слезах.

Стражники завели Колла внутрь и сняли наручники. Это были пожилые маги, одетые в темно-коричневую униформу Паноптикона. Закончив с запястьями, они защелкнули на его лодыжке металлический браслет, соединенный цепью с кольцом в стене. Цепь была достаточно длинной, чтобы Колл мог бродить по камере, но не позволяла ему дотянуться до решетки или двери.

Стражники вышли, заперли камеру и исчезли в тени. Но Колл знал, что они где-то там. В этом была суть заключения в Паноптиконе: кто-то всегда за тобой наблюдал.

— Ты в порядке? — резко спросил Аластер, как только стражники скрылись. — Они тебя не ранили?

Он выглядел так, будто хотел схватить Колла и ощупать его в поисках повреждений, как он всегда делал, когда тот падал с качелей или врезался в дерево на своем скейтборде.

Колл помотал головой.

— Они ни разу не попытались навредить мне физически.

Аластер кивнул. Его глаза за стеклами очков казались запавшими и усталыми.

— Я бы пришел раньше, — сказал он, присаживаясь на неудобный с виду металлический стул, который стражники поставили перед решеткой, — но посещения были запрещены.

Волна облегчения затопила Колла. Он зачем-то успел убедить себя, что отец был счастлив его заключению. Ну или *не счастлив*, но что ему было лучше без него.

Как же он был рад, что это оказалось не так.

— Я все испробовал, — сказал Аластер сыну.

Колл не знал, что ответить. У него не нашлось бы слов, чтобы выразить все свое сожаление. Еще он не понимал, с чего вдруг его разрешили навещать... если только Ассамблея не решила, что более он для них бесполезен.

Возможно, это были последние в его жизни посещения.

— Я видел сегодня мастера Руфуса, — сообщил он папе. — Он сказал, что с допросами

покончено. Получается, они собираются меня убить?

Аластер выглядел шокированным.

— Колл, они этого не сделают. Ты не совершил ничего плохого.

— Они думают, это я убил Аарона! — возразил Колл. — Я в тюрьме! Очевидно, что они считают, будто я совершил что-то плохое.

«И я действительно это совершил», — добавил он про себя. Пусть это Алекс Страйк на самом деле убил Аарона, но этого бы не случилось, не будь у Колла тайн.

Аластер отрицательно помотал головой.

— Они боятся — боятся Константина, боятся тебя, — поэтому ищут повод, чтобы держать тебя здесь. Они не очень-то верят, что это ты ответственен за смерть Аарона. — Аластер вздохнул. — И если это тебя не обнадеживает, подумай вот о чем — так как они не знают, как Константин перенес свою душу в тебя, я уверен, что они не захотят рисковать повторением прошлых ошибок.

Папа Колла ненавидел мир магов и в принципе не отличался оптимизмом, но в данном случае мрачные прогнозы Аластера заставили Колла вдохнуть с облегчением. В них был резон. Коллу никогда не приходило в голову, что он мог перенести свою душу в чужое тело или

что маги могут беспокоиться из-за такой возможности.

— Значит, они оставят меня здесь, взаперти, — подытожил Колл. — Выбросят ключ и забудут обо мне.

Аластер ничего не ответил, и это было куда менее вдохновляюще.

— Когда ты узнал? — не выдержал Колл затянувшегося молчания.

— Узнал о чем? — спросил Аластер.

— Что я на самом деле не твой сын.

Аластер нахмурился.

— Ты *мой* сын, Коллам.

— Ты знаешь, о чем я, — вздохнул Колл... хотя и не мог отрицать, что поправка Аластера улучшила его настроение. — Когда ты понял, что во мне его душа?

— Сразу же, — ответил Аластер, чем слегка удивил Колла. — Я догадался. Мне было известно, над чем работал Константин, поэтому я предположил, что ему все-таки удалось перенести свою душу в твоё тело.

Коллам вспомнил предсмертное послание его матери, оставленное для Аластера; то самое, что показал ему мастер Джозеф, наставник Врага Смерти, но которое скрыл от него отец:

УБЕЙ РЕБЕНКА

Его до сих пор бросало в дрожь при мысли, как мама из последних сил выпарапывала эти слова и как папа читал их, держа на руках кричащего младенца — Колла.

Если Аластер сразу понял, что они означали, он мог просто выйти из пещеры, оставив его там. Холод бы не оставил ему шанса.

— Зачем ты это сделал? Зачем спас меня? — набросился Коллам на отца. Его голос прозвучал крайне сердито, хотя он этого и не желал. Но он *был* сердит, несмотря на то, что понимал, что в противном случае бы погиб.

— Ты мой сын, — просто повторил Аластер. — Кем бы ты ни был, ты навсегда останешься моим единственным ребенком. Души пластичны, Колл. Они не высечены в камне. Я думал, что если хорошо тебя воспитаю... если научу тебя правильным вещам... если буду достаточно тебя любить, с тобой все будет нормально.

— И посмотри, что получилось, — сказал Колл.

Прежде чем его папа успел ответить, к камере подошел стражник и объявил, что время посещения истекло.

Аластер поднялся и лишь затем тихо произнес:

— Я не знаю, поступил я правильно или нет, Колл. Но как бы то ни было, мне кажется, ты вырос хорошим.

И он ушел, сопровождаемый другим стражником.

За все время пребывания в Паноптико-не Колл не спал так хорошо, как той ночью. Койка была узкой, матрас — тонким, и по ночам в камере было холодно. Когда он ложился спать, ему всегда снился один и тот же сон: как магический разряд поражает Аарона. Как его тело подлетает и ударяется о землю. Как Тамара плачет над ним. И как чей-то голос произносит: «Это ты виноват, это все твоя вина».

Но этой ночью ему ничего не снилось, а когда он проснулся, то увидел снаружи стражника, держащего поднос с завтраком.

— К тебе еще посетитель, — сообщил он, смотря на Колла искоса. По всей видимости, все стражники до сих пор боялись в любой момент пасть жертвой его обаяния.

Колл сел.

— Кто?

Стражник пожал плечами.

— Ученик из твоей школы.

Сердце Колла бешено забилося. Тамара! Наверняка это была Тамара! Кто еще мог прийти его навестить?

Он едва обратил внимание, как стражник просунул поднос через узкое окошко внизу двери. Он был слишком занят, усаживаясь прямо и стараясь пальцами причесать взлохмаченные волосы, одновременно пытаюсь успокоиться и придумать, что сказать Тамаре, когда она придет.

Эй, как дела, прости, что дал убить нашего лучшего друга...

Дверь открылась, и внутрь в сопровождении двух стражников зашел посетитель. Действительно, это был ученик Магистериума.

Но не Тамара.

— Джаспер? — Колл не поверил своим глазам.

— Знаю-знаю, — тот поднял руки, будто ожидал, что на него прольется бурный поток благодарностей. — Ты вне себя от счастья видеть меня здесь.

— Э-эм, — протянул Колл. Мастер Руфус был прав насчет Джаспера — его волосы выглядели так, будто он не расчесывал их несколько лет. Они стояли дыбом. Колл не мог прийти в себя от изумления. Джаспер сотворил это с собой

намеренно? — Видимо, ты пришел рассказать, как сильно все в школе меня ненавидят.

— О тебе мало кто вспоминает, — ответил Джаспер, и то было очевидной ложью. — Ты для этого слишком жалок и скучен. Большинство грустит из-за Аарона. Ты для них лишь его приложение, понимаешь? Сливаешься с окружающей обстановкой.

«Ты для них его убийца» — вот что имел в виду Джаспер, пусть он и не произнес это вслух.

После такого Коллу не хватило духа спросить о Тамаре.

— У тебя были неприятности? — поинтересовался он вместо этого. — В смысле, из-за меня?

Джаспер потер ладони о свои дизайнерские джинсы.

— По большей части всех волновало, не обратил ли ты меня себе в прислужники. На что ты ответил, что для этого ты слишком паршивый маг.

— Спасибо, Джаспер, — сказал Колл, неуверенный, всерьез он или нет.

— Так как жизнь в старом добром Паноптиконе? — спросил Джаспер, оглядываясь. — Все выглядит очень — э-эм — стерильно. Познако-

мился с кем-нибудь из настоящих преступников? Успел обзавестись тату?

— Ты серьезно? Ты пришел спросить, есть ли у меня тату?

— Нет, — оставил Джаспер шуточки. — На самом деле я пришел... ну... потому что Селия меня бросила.

— Что? — Колл решил на секунду, что ослышался. — Поверить не могу!

— Вот и я! — воскликнул Джаспер. — Я тоже не могу в это поверить! — Он плюхнулся на неудобный стул для посетителей. — Мы были идеальной парой!

Колл бы многое отдал, чтобы иметь возможность дотянуться до него и придушить.

— Нет, я имел в виду, что не могу поверить, что ты преодолел шесть пропускных пунктов и вытерпел, как я предполагаю, жутко постыдный досмотр только для того, чтобы явиться сюда и пожаловаться на свое разбитое сердце!

— Ты единственный, с кем я могу поговорить, Колл, — сказал Джаспер.

— Потому что я прикован к полу и не могу сбежать?

— Именно, — с довольным видом подтвердил Джаспер. — Все остальные уносятся прочь, как только меня видят. Но они не понимают. Я должен вернуть Селию.

Холли Блэк Кассандра Клэр

— Джаспер, — попросил Колл, — пожалуйста, ответь на один вопрос и обещаю быть честным.

Джаспер кивнул.

— Это новая стратегия Ассамблеи — мучить меня, пока я не выдам интересующие их сведения?

Пока он говорил, с первого этажа за клубился тонкий усик дыма, за которым последовали всполохи огня. Вдалеке завизжала сирена.

В Паноптиконе начался пожар.

ГЛАВА 2

Двое стражников, которые привели Джаспера в камеру Колла, зашептались. С противоположной стороны тюрьмы слышались крики, но они резко оборвались.

— Думаю, мне лучше уйти, — обеспокоенно оглядываясь, поднялся Джаспер.

— Нет! — рявкнул один из стражников. — У нас чрезвычайная ситуация. Никому из посетителей не разрешено перемещаться самостоятельно. Для вашей же безопасности вы должны следовать за нами, пока мы отведем заключенного к эвакуационному транспорту.

— Вы хотите, чтобы я оказался рядом с Врагом Смерти вне его камеры? — возмутился Джаспер, будто ему было чего бояться. — И это, по-вашему, безопасно?

Колл закатил глаза.

Стражник рассеял часть волшебной стены, зашел внутрь камеры и надел ему на запястья наручники.

— Идем, — сказал он. — Ты пойдешь между нами, а ученик — впереди.

Колл вскочил на ноги.

— Что-то не так, — заметил он.

— Здесь пожар, — смотря ему за спину, отозвался Джаспер. — Понятно, что тут что-то не так.

Но это не остановило Колла.

— Целая толпа магов неделями заверяла меня, что эта тюрьма неуязвима. Что ничто не может сюда проникнуть или уничтожить ее. Она не может загореться.

Стражники выглядели откровенно испуганными.

— Замолчи и пошевеливайся, — приказал один, схватив Колла за руку и выталкивая его из камеры.

— *Огонь хочет гореть*, — сказал Джаспер, внимательно посмотрев на Колла. То была цитата из квинканса, первая из пяти строчек, описывающих магию стихий. Стражники повернулись к нему. Наверняка они помнили этот текст со школы.

Воздух снаружи камеры был горячее, чем внутри. По коридорам с криками бежали люди. Всех заключенных выстроили в линии и вели к выходам.

— Я знаю, — сказал Колл, — но здесь не мог случиться пожар.

— Нас предупреждали о твоём умении заговаривать зубы, — стражник толкнул Колла вперед, — так что заткнись и иди.

С крыши начали падать куски расплавленных камней и металла, поэтому Колл решил, что пора перестать беспокоиться о причинах происходящего и сосредоточиться на том, чтобы выбраться отсюда живым. Он, Джаспер и двое стражников поспешили по коридору, в котором становилось все горячее. Колл хромал, боль от поврежденной ноги разносилась по всему телу. Он уже несколько месяцев как следует ее не разминал.

Послышался грохот. Часть пола впереди превратилась в фонтан из раскаленных углей и горящих осколков камня. Колл в ужасе смотрел на подтверждение своих опасений — этот огонь был неестественного происхождения.

Оставалось надеяться, что ему выпадет шанс сказать: «Я же говорил!»

Стражники отпустили его. На секунду Колл подумал, что они поведут его по другому маршруту через тюрьму, но вместо этого они бросились вперед, едва не сбив Джаспера с ног. Они успели перепрыгнуть через поврежденную

часть пола, пока та окончательно не обрушилась, выпрямились и принялись отряхиваться.

— Эй! — растерянно воскликнул Джаспер. — Вы не можете просто бросить нас здесь!

Один стражник стыдливо отвернулся. Другой лишь сердито на них зыркнул.

— Мои родители погибли во время Холодной резни, — сказал он. — По мне, так сгорай себе насмерть, Константин Мэдден.

Колл вздрогнул.

— А как же я? — заорал им вслед Джаспер. — Я не Враг Смерти!

Но они ушли. Закашлявшись, Джаспер развернулся и бросил на Колла обвиняющий взгляд.

— Это все ты виноват.

— Рад, что ты встречаешь смерть достойно, — отозвался Колл.

Пребывание в компании Джаспера имело удивительную особенность: Колл никогда не чувствовал себя рядом с ним виноватым, даже когда, по идее, стоило бы. Слишком крепка была уверенность, что Джаспер заслуживал все, что бы с ним ни происходило.

— Воспользуйся своей магией хаоса! — прокашлял он. Воздух отяжелел и был полон дыма и копоти. — Поглоти стены или огонь, или еще что-нибудь сотвори!

Колл показал ему свои запястья. Маг его уровня не мог применять магию со скованными руками.

Джаспер пробормотал ругательство, развернулся и вытянул перед собой правую руку. Воздух перед ним будто завибрировал и затвердел. Над обрушившейся частью пола протянулся полупрозрачный мост.

Колл не стал терять время на то, чтобы поражаться тому факту, что Джаспер сделал нечто полезное, причем не просто полезное, а нечто по-настоящему впечатляющее. Оставив восторги на потом, он побежал так быстро, как только позволяла больная нога.

Ни Колл, ни Джаспер не знали наверняка, где выход, но огонь лишил их возможности выбора. Они помчались по единственному свободному от пламени проходу. От боли Колл крепко стиснул челюсти и изо всех сил старался не споткнуться. Воздух накалился до такой степени, что было невозможно говорить.

Они добежали до приоткрытой двери, тяжелой и магической на вид, так что, будь она закрыта, вряд ли бы они смогли открыть ее, прежде чем их поджарило. Обрадованные, они протиснулись в щель. Джаспер выбил ногой доску, которая удерживала дверь, и захлопнул ее, на время оградив их от жара и дыма.

Колл согнулся, упершись руками в колени, и с трудом переводил дух. Судя по всему, они оказались в технической части Паноптикона. Сквозь вонь от дыма и гари он различил запахи отбеливателя и стирального порошка. Во все стороны бежали коридоры, и нигде не было ни одного окна. Внезапно в проходе прямо напротив них появился толстый столб пламени.

Джаспер, вскрикнув, подался назад.

Все кончено. Они сгорят в этой ловушке между двух испепеляющих потоков. Колл вспомнил, как год назад он проходил огненный лабиринт, как с помощью хаоса вытянул из пещеры весь воздух — отчаянный шаг, который сработал и потушил пламя, но в то же время лишил всех находящихся там людей возможности дышать. Если бы не вмешательство Аарона, они бы погибли.

Коллу страшно не хватало сейчас его магии, он мечтал о ней, несмотря на все свои прошлые ошибки из-за ее злоупотребления.

Огонь хочет гореть. Вода хочет течь. Воздух хочет подниматься. Земля хочет скреплять. Хаос хочет поглощать.

И добавленная Коллом строчка, чисто для смеха:

Колл хочет жить.

Эти слова преследовали его. Он попытался развести руки в стороны, но сковывающая их цепь была все так же непоколебима, а его магия — недоступна. Столб пламени перед ними вытянулся вверх, будто змея, и расширился посередине, подобно капюшону кобры.

И вдруг внутри его появилось лицо — знакомое девичье лицо из огненных язычков.

— Творец, — произнесла сестра Тамары Раван. Стихия огня поработила ее, после чего она превратилась в Поглощенную, элементаря с человеческой душой. Или человека с душой элементаря. Однажды Колл вместе с Аароном и Тамарой проникли в тюрьму для элементарей и увидели там Поглощенных воздухом, огнем, землей и водой. Насколько ему было известно, Поглощенных хаосом никогда не существовало. Сама идея этого ужасала.

— Нет времени мешкать, — поторопила их Раван. — Через третью дверь справа вы выйдете наружу.

Ее лицо исчезло в пламени. Огненный столб раздвинулся, превратившись в искрящуюся арку.

— Что это было? — спросил Джаспер.

— Огненный элементарь, — ответил Колл, не желая упоминать Тамару, так как он понятия

не имел, что тут происходит. — Я ее знаю. Она живет в Магистериуме.

— То есть это побег? Ты втянул меня в свой тупой побег?! — срывающимся голосом закричал Джаспер. — Это точно ты во всем виноват, Колл. Я...

— Заткнись, Джаспер. — Колл толкнул его к третьей двери. — Будешь орать на меня, когда мы выберемся из горящего здания.

— И опять меня смела жестокая метла судьбы, — пробормотал по пути Джаспер.

Следуя указанию Раван, они пробежали по коридору, свернули направо и увидели двойные двери, закрытые длинным деревянным брусом. Джаспер схватил его за один конец и потянул на себя. Колл навалился на створки, и они распахнулись.

Солнечный свет и чистый воздух. Джаспер выскочил наружу и издал победный клич:

— Лестница! Смотри под ноги.

Позади Колла все здание было объято огнем. Сделав глубокий вдох, он последовал за Джаспером, который уже ждал его внизу короткой лестницы, потирая колено. Как же давно Колл не видел солнца и облаков, не чувствовал свежего ветерка на лице. Он с жадностью несколько раз вдохнул полной грудью.

— Скорее, — сказал Джаспер, — пока тебя никто не увидел.

Чем дальше они отдалялись от тюрьмы, тем все менее густым становился дым. Колл обернулся.

Паноптикон представлял собой огромный цилиндр из серого камня, немного напоминавший перевернутое вверх дном ведро. Из его окон и крыши вырывались языки пламени.

Они добежали до зеленой лужайки. В камере Колла не было окна, но если бы было, он бы видел лишь поле травы, заканчивающееся забором вдалеке, за которым начинался лес.

Сейчас здесь царил полнейший хаос. Вокруг скованных друг с другом групп заключенных стояли конвои стражников. Кого-то рассаживали в фургоны. По полю носились, размахивая руками, маги в оливкового цвета одеждах Ассамблеи, пытающиеся развести в разные стороны перепуганных, черных от копоти стражников, служащих тюрьмы и заключенных.

Один из членов Ассамблеи заметил Колла и закричал стражникам.

— Где моя машина? — кашляя, спросил Джаспер. — Мне пора убираться отсюда.

— Вот так просто возьмешь и бросишь меня? — возмутился Колл.

— Я знаю, что меня ждет, если я останусь с тобой, — ответил Джаспер. — Очередное шоу ужасов с отрезанными головами и Охваченными хаосом. Нет, спасибо. Мне нужно вернуть Селию. Я не хочу умирать.

— Хотя быними с меня это. — Колл вытянул перед собой скованные руки. — Дай мне шанс, Джаспер.

Стражники приближались, переговариваясь, будто разрабатывали стратегию. Но шли они небыстро, и пока Колл стоял к ним спиной, они не могли видеть, что делает Джаспер.

— Ладно, — он подвинулся и схватил запястья Колла. — Погоди... из чего они сделаны? Никогда не видел такого металла.

— Вы двое! — рявкнул кто-то. У Колла едва сердце из груди не выпрыгнуло. Но через мгновение он с облегчением и страхом узнал этого члена Ассамблеи в белом костюме — Анастасия Тарквин. Ее серебристые волосы были гладко зачесаны назад, а бледные глаза сверкали. — Убирайтесь отсюда. Живо! — Она щелкнула пальцами, при этом у нее был такой взгляд, будто она не узнала Колла. — Пошевеливайтесь!

Стражники остановились с явным облегчением, что кто-то другой сделал за них их работу.

Бурча себе под нос проклятия, Джаспер пошел вслед за Коллом и Анастасией по полю.

— Я сопровождаю творца, — говорила она, предупреждая поднимая руку всякий раз, когда кто-то собирался подойти к ним или что-то спросить. — Нужно увести его отсюда как можно быстрее. С дороги!

На краю травяного поля был припаркован бежевый фургон. Анастасия открыла заднюю дверь и поторопила Колла сесть внутрь. Водителя разглядеть не удалось.

Джаспер замешкался.

— Мне совершенно необязательно ехать в одной машине с преступниками...

— Ты свидетель, — перебила его Анастасия. — Залезай, де Винтер, или я расскажу твоим родителям, что ты отказался следовать приказам Ассамблеи.

С круглыми глазами Джаспер поднялся в фургон вслед за Коллом. Внутри вдоль боковых стен стояли скамейки, а над ними на уровне глаз тянулись перекладины, к которым должны были крепиться цепи от наручников, чтобы заключенные не сбежали. Колл сел на одну скамейку, Джаспер на вторую. Никто не озаботился наружниками Колла. Вместо этого двери захлопнулись, погрузив ребят в прохладную темноту.

— Странно, — заметил Колл.

— Я подам жалобу, — приглушенным тоном пообещал Джаспер. — Кому-нибудь. Кто-нибудь должен будет с этим разобраться.

Фургон тронулся, несколько раз свернул, после чего набрал скорость и поехал, судя по ощущениям, по шоссе. Колл не представлял, куда они направлялись. Если на то пошло, он не знал точно, где находится Паноптикон, и понятия не имел, куда в случае чего следовало отвозить заключенных.

Ему не давало покоя вмешательство Анастасии и Раван. Анастасия призналась ему, что она была матерью Константина Мэддена, и пообещала помогать ему, раз у него его душа. Анастасия отвечала за элементалей в Магистерии. Она могла все это спланировать. Но если это так, каким будет ее следующий шаг? Вся Ассамблея будет искать Колла. Она не может просто отвезти его в какое-нибудь тихое место и ждать, когда все само собой уляжется. Потому что вся эта история с Врагом Смерти не уляжется никогда.

Он все думал о загадочных действиях Анастасии и вероятности того, что теперь он — сбежавший из тюрьмы преступник. Сердце ныло от страха, что он больше никогда не увидит отца, сожаления, что мастер Руфус вновь решит, что Колл ему лгал, и опасения, что после

СЕРЕБРЯНАЯ МАСКА

следующего поворота его точно стошнит, и все эти мысли и чувства не находили выхода, поэтому, когда фургон наконец остановился, настроение у Колла было крайне подавленным. Задняя дверь открылась, впуская внутрь свет, заставив его моргнуть.

За фургоном стоял водитель. Он снял рабочую кепку. Длинные темные косы упали на плечи, а на лице зажглась знакомая улыбка. Сердце Колла заметалось по грудной клетке.

Тамара.

ГЛАВА 3

Колл в шоке уставился на Тамару. Она выглядела иначе. Или нет — может, это его память поблекла за шесть месяцев. Но вряд ли. Он так часто о ней думал, что просто не мог забыть ни единой черты ее лица. Хотя какое это имело значение — ведь никакого? До него дошло, что он продолжает пялиться, а Тамара, скорее всего, ждет от него каких-то слов. Его спас Хэвок, который с громким лаем запрыгнул в фургон и принялся яростно вылизывать Коллу лицо.

— Джаспер, — нахмурившись, повернулась Тамара к другому пассажиру, — что ты здесь делаешь?

— Ты сошла с ума?! Ты организовала побег?! — в ярости закричал Джаспер, так что у него изо рта полетели капли слюны. — Не могла предупредить, чтобы я навестил его *в другой день*?! —

— Прости, что не сверилась с твоими планами, — закатила она глаза, поднимаясь в фургон. Отпихнув Хэвока от Колла, она дружелюбно провела пальцами по волчьему загривку...

Колл не мог говорить. Ему так много хотелось сказать, что он застрял между формулированием и произнесением этого вслух. Он был так счастлив видеть Тамару, так счастлив тому факту, что она испытывает к нему достаточно теплые чувства, раз решилась помочь. Но при этом он понимал, что никогда не сможет вымолить у нее прощение.

Она посмотрела на него и мягко улыбнулась.

— Привет, Колл.

У него перехватило дыхание. Черты ее лица слегка изменились за эти полгода, но не настолько сильно, как он ожидал. Ее глаза были все такими же большими, темными и сочувствующими.

Он хрипло произнес:

— Тамара. Это ты... все спланировала?

— Не без помощи, — ответила она и жестом позвала Колла из фургона.

Он спрыгнул вслед за ней и принялся разминать ноющую ногу.

Они стояли перед симпатичным коттеджем посреди леса. Немного в стороне мерцало маленькое озеро, через которое был перекинут

мост. Перед домом стояла Анастасия Тарквин, ее белый автомобиль был припаркован на дороге.

На Анастасии был все тот же белый костюм, сейчас в мазках копоти. Она посмотрела на Колла так, что ему стало очень не по себе, будто он наблюдал за львицей, подкрадывающейся к нему по саванне.

— Я останусь в фургоне, — затаив дыхание, сказал Джаспер. — Подбросите меня потом куда-нибудь. До заправки, к примеру. Оттуда я как-нибудь сам доберусь.

— Мне помогла Анастасия, — пояснила Тамара преимущественно для Колла. — Она пустила меня вниз поговорить с Раван. — Она посмотрела себе под ноги. — У меня мало осталось собеседников после того, как Аарон умер... а тебя не стало рядом.

— Ты могла поговорить со мной, — заметил Джаспер из фургона.

— Ты хотел говорить только о Селии, — ответила Тамара. — И ни у кого нет желания говорить со мной о Колле, потому что...

— Потому что все считают, что я — Враг Смерти, — закончил за нее Колл. — И что я желал Аарону смерти.

— Не все так считают, — тихо возразила Тамара. — Но большинство — да.

— Колл, Тамара, — Анастасия махнула им с крыльца, — заходите в дом. — Она прищурилась. — Ты тоже, Джаспер.

Ворча, тот наконец вылез из тюремного фургона.

— Когда ты научилась водить? — спросил Колл Тамару.

— Меня Кимия научила, — ответила она, пока они поднимались на крыльцо. — Я сказала, что мне нужно отвлечься... сам понимаешь. От мыслей о тебе и Аароне.

О тебе и Аароне. Аарон умер, а Колл был жив, но, должно быть, для Тамары его заключение в Паноптиконе и вера всех вокруг в то, что он — зло, было почти равноценно смерти при жизни.

Он вдруг осознал, что если бы и Тамара думала так же, это стало бы для него страшным ударом. У него едва не подкосились колени от облегчения, что она явно придерживалась иного мнения.

Внутри их встретила уютная гостиная с кружевными занавесками и прикрытыми салфеточками маленькими столиками. На кофейном столике стоял кувшин с лимонадом. Все выглядело гостеприимно, прямо как пряничный домик злой колдуньи. Но Колл не собирался жаловаться. Он был на свободе и с Тамарой. Они даже взяли с собой Хэвока.

— Дай взглянуть на наручники, — сказала Тамара, когда Колл сел на первый свой диван за последние несколько месяцев. Кто бы мог подумать, что он так соскучится по диванам? Тамара нахмурилась. — Из чего они сделаны? Это не металл.

— Их нельзя снять без особых приспособлений, — объяснила Анастасия. — К сожалению, здесь у меня их нет. — Она поднялась. — Колл, идем со мной. Посмотрим, может, удастся сымпровизировать.

Не зная, сколько ему удастся побыть с Тамарой, Колл не желал отдаляться от нее ни на секунду, но наручники необходимо было снять. С неохотой он встал и пошел за Анастасией на кухню.

Она указала на стул. На кухонном столе стояла объемная черная сумка, раньше похожие носили при себе врачи. Анастасия достала из нее несколько кристаллов, расставила их на плите и включила под ними горелки.

Пока они нагревались, она повернулась назад к Коллу.

— Мне жаль, что мы не смогли вытащить тебя раньше. Могу представить, как тяжело далось тебе ожидание.

Колл неуютно поерзал на стуле. Анастасия часто вела себя так, будто знала, о чем он дума-

ет или что чувствует. Иногда она оказывалась права, иногда — нет, но ее уверенность это не колебало.

Она была абсолютно уверена еще кое в чем, о чем она упомянула во время своего единственного визита в Паноптикон. Анастасия считала, что раз она была матерью Константина Мэддена, то являлась и матерью Колла тоже.

Колл сомневался, что это так работает. Но понимал, что не стоит спорить с Анастасией. Она была убеждена в своей правоте. Поэтому он решил просто об этом не упоминать и надеялся, что более это никогда не всплывет.

— Тамара, разумеется, была опустошена, не имея возможности навестить тебя, — добавила она.

Коллу хотелось верить, что это правда.

— Она хороший друг.

— Друг? — хохотнула Анастасия. — Она по уши в тебя влюблена! Я нахожу это милым.

Колл ошеломленно уставился на нее. Тамара не была в него влюблена! Что за чушь? Тамара была красива, и умна, и богата, и у нее были идеальные брови.

С первой секунды их знакомства он знал, что она не его уровня. Он вспомнил, как она танцевала с Аароном в начале их Медного года. Они так здорово смотрелись вместе. Колл знал, что

он с Тамарой никогда не будет так хорошо смотреться. Если бы даже они танцевали — и это с его-то увечьем, — он наверняка оттоптал бы ей все ноги.

Кристаллы начали как-то странно попискивать, и Анастасия отключила горелки.

— Земля и огонь вместе, — пояснила она. — Так проще брать из них силу.

После чего она вытянула перед собой руку и расплавила цепь между браслетами. Коллу пришлось срочно отодвинуться, чтобы не попасть под капли жидкого металла. Они прожгли в линолеуме черные дыры, от которых потянулся едкий дымок, как от горящего пластика.

Анастасия, нахмурившись, посмотрела на пол.

— Это все, что я могу сделать на данный момент, но так ты хотя бы сможешь двигаться более свободно, пока мы не снимем с тебя наручники.

Колл почти ее не слушал. Он смотрел на дымящийся линолеум и думал. Неужели это правда? Неужели он нравится Тамаре? Анастасия была немного странной и, возможно, чуточку сумасшедшей. Вряд ли она понимала, о чем говорит.

Но что, если понимала?

— Возвращайся в гостиную, — сказала Анастасия. — Я приду через минуту, только уберу здесь все.